

Пуховский Валентин Власович

25.12.1929, д. Нивищи Горецкого р-на Могилевской обл.

Родители — колхозники или крестьяне. Пошел в школу, но до школы умел писать, считать, писать. Мне интересно было учиться: чтение, счета и тому подобное. Значит, до войны окончил пять классов.

Отец — Влас Захарович, колхозник. Пахал землю, косил траву, молотил и т. д. Мать тоже колхозница была. В животноводстве, на поле. Это довоенный период. Когда война началась, территория наша была захвачена немцами. Они появились в июле. Война началась 21 июня, и где-то через 10–12 дней нашу территорию захватили.

Это все было неожиданно. Мы жили в деревне, и там же районный город. И мы не знали, что война начнется. Вот когда началась, тогда и сообщили. Из репродуктора заявили, что немецкая армия захватила территорию, Германия напала на Советский Союз. Для нас это ошеломление было и непонятно — а что это за война, и для чего, и как. Было время, когда дружили, трудились. Всем было трудно и особенно, кто работал в колхозах. И вдруг такое объявление.

И особенно непонятно было, когда стали забирать в армию мужчин, родителей и так далее. Отца не взяли. Он был участник гражданской войны и был контужен. Он воевал в Сибири с Колчаком. Вот поэтому его и не послали на войну. Я своим детским впечатлением видел, буквально видел по дням. Где-то через 5 из нашей деревни мужчин призывного возраста уже вызывали в районный центр. Собирали их и отправляли в армию. Я видел эти прощальные слезы и детей, и жен, и матерей. Но это совмещалось как-то с наивностью, и с какой-то новостью, и со страхом — как люди теряют родных и самых близких. Когда собрали, в деревне несколько мужчин, соответственно, выпили. Соответственно, и речи пошли: «Мы немцев забросаем шапками», — и тому подобное. Но через каких-то 10 дней они ушли.

А как себя вели евреи? Чувство страха? Была ли разница между ними и другими?

Районный центр Горки — знаменитая академия. Евреев в городе было много. Они там постоянно жили, и в основном были предпринимателями, сапожниками. Для них торговля, склады и подобное. Я помню, что от нашей деревни до Горок был базар, где продавали крестьяне. И у нас были знакомые евреи, и всегда родители там останавливались. Заходили к ним отдохнуть, чайку попить. Первые дни, когда немцев еще не было — сначала был страх общий. А когда немцы пришли, то вообще начали сгонять группами евреев. Потом нашили на них знаки. Собачья голова на метле. Спереди и сзади желтый знак. И та же фигура собаки.

И начали их сгонять на площадь. Я все это знаю. Ведь это было в 5 км от центра. Собирают на плац. Вещи каждый держит при себе. Потом должны отойти и оставить их. Вот вещи забрали. Их забрали и увезли в местечко Марьина Горка или подобное. Там начали расстреливать их. Повечерело,

когда начали расстреливать. Многие начали разбегаться. И вечером, в июле долго темнота не наступает, и мы видели этих бегущих евреев с детьми. Еврейка и еврей — в деревни, мимо деревни. Немцы, когда проезжали на мотоциклах, то смотрели за порядком. Останавливались и проверяли порядок. И если обнаруживали нарушение, то расстреливали.

У нас в школе были еврей и еврейка. Он — директор школы, Черняк, а она, Ольга, физику преподавала. В хороших отношениях отец у меня был с ними. Да, по тому времени у нас были хорошие отношения. Мой отец был более грамотный, чем остальные. Он закончил 6 классов, наверное, церковно-приходской школы. У него было желание учиться. Он был бригадиром, счетоводом. Вы знаете, в то время грамотного мужика можно было встретить очень редко. Так вот, Ольга Черняк и Михаил Черняк приходят к нам вечером поздно. Заходят в хату. Родители их-то знали. Тем более, старший брат на 5 лет старше меня. Он ходил больше меня. Начальная школа в нашей деревне, а средняя школа рядом, в деревне сельсовета. Вот они зашли и я слышу: *«Спасите нас! Нам сказали явиться в районный центр. Мы хотим перебраться в лес, но какую-то неделю-две нам надо пожить»*. Отец сказал: *«У нас есть погреб, и если вас это будет удовлетворять, то посмотрите, и пожалуйста»*. Он свечку дал. Спустились они и посмотрели. Говорят: *«Мы можем ночью выходить, а днем будем там»*. Вот они спустили туда всякое барахло, матрацы, шубы. И жили они там, наверное, где-то дней 10. Потом по деревне начали появляться шпионы. Один на одного злые, и начали один одного выдавать. Отец говорит: *«Мы с удовольствием бы поддержали. Но сейчас и мы погибнем, и вы погибнете»*. И говорит Черняк. Я слушал это. Все фразы были произнесены при детях. Он сказал: *«Мы вот ночь переночуем. Вернее, ночь будем тут связь иметь, так как и еще кто-то подойдет, а потом уйдем в лес»*. Так и произошло. После 10 дней в июле они ушли в лес. Дальнейшую судьбу мы их и не знаем. Вот история какова.

Немцы пришли и какие они порядки установили еще до 43 года?

Родители рассказывали, что собрали жителей и выбрали старосту. По каким параметрам и признакам, я не мог это определить. Во всяком случае, собрали крестьян и объявили. Полицейские, немец и переводчик, объявили, что с сегодняшнего дня это ваш начальник и ему подчиняться, слушаться и так далее. Работать должен каждый у себя на огороде. Были земельные приусадебные участки. Дальше, в колхоз, не ходить. Решение будет принимать староста деревни. Он скажет, что дальше делать. И опять собрание, начальство решило — все колхозное имущество разделить. Животных, телеги, плуги, бороны и так далее. Стадо коров, когда в свое время обогулили коллективизацию, то они жить хотят. А раз нет власти, нет указания, то решили их раздать. Как раздали и по каким принципам, я не знал. У нас же на тот период имелись: корова, свинья, пару овец держали, собака домашняя, куры. Вот такое имущество. Вот потом, когда разделили — лошадей на всех не хватило. На два дома одна лошадь пришлась по распределению. Пахать-то надо. Вот отдали, и мы продолжали так жить. Да

еще землю разделили по душам. Сколько у кого душ, то сколько и давали. У кого семья большая — то и давали. Вот у нас 4 человека было. Мать отца — пятая. А рядом отец отца — дедушка мой. И с ними еще были. Вот и нам дали лошадь и 3 или 4 гектара дали, чтоб пахали. Жить-то надо. Вот помню детским своим умом, что работать приходилось с утра до вечера. Но когда пришла пора уборочной, то рожь косили, жали пшеницу, овес. Посеяли горох, осенью собирали урожай.

Что касается поведения немцев. Вот наша деревня, видимо, не стратегического назначения была, поэтому мало кого зацепили. Единственно появились такие злотаманы. Сосед на соседа. Люди, которые были раскулаченные, но жили более богато чем остальные — может сообщили связным в партизанские отряды, что они имеют связи с немцами. Так к некоторым ночью приходят полицейские, выводят из дома и расстреливают. Слышим наутро уже, что кого-то там убили. Но если в общем посмотреть, то жизнь была не хуже при колхозах. Дело в том, что каждый имел свое хозяйство. Какие налоги, я не могу сказать. Вот немецкие машины ездили и собирали кур. Это какой-то праздник был. Молоко собирали, как-то и зерно тоже на что-то собирали. Если судить относительно разговоров, когда живешь в семье, то чувствуешь беды какие. Когда жили в колхозе, то родители работали круглый год за трудодни, колы. А в конце года отцу мешок овсюга просеивают. Только жили со своего огорода. Вот пожил и почувствовали, что сытые стали. А в целом, если посмотреть, немцы на основании своих же людей, имеется в виду полицейских, старост, проводили определенные репрессивные меры. Слышно было — там убили, там убили, в тюрьму посадили. Вот в районе центра была комендатура и гарнизон. И там на машинах и мотоциклах. Вот они постоянно там были и имели связь со старостой. Но из нашей деревни ни одного не взяли в полицейские.

Что представляла собой наша деревня. В деревне домов так 60. Лес далековато, 15 км. Мы находились в открытом пространстве. Когда дрова нужны, в лес ездили. Давали лошадь. Вот с отцом едешь, далеко. Весь день на это уйдет.

Но во время войны значительно уменьшилось население. Забрали многих в армию. Через дом, наверное, забрали.

Когда немцы пришли, я еще один год ходил в школу. Это 41–42. Потом уже закрыли школу.

Все ли ходили в школу. Кто учителя, какие предметы?

Все, кроме евреев. Предметы те же. Но как они совмещали, не знаю. Белорусский и русский, и даже в 5 классе немецкий язык преподавали. Как преподавали? Я помню, как немцев расселяли по деревням и хатам крестьянским, где они ночевали. Проснулся утром — два немца. Летом тепло. Они в сенцах спали. Зашли в хату. Матка что-то готовила, а я не знал это все. Я-то помню, что нам преподавали. И вот открываю учебник немецкого языка, а там на первой странице Ленин, на второй Сталин. И это показываю солдатам. И читаю: Сталин и Ленин. Так они схватили книгу и

выбросили. Им не понравилось агитация Сталина и Ленина. А дальше уже не было учебы и преподавания.

Причина?

Содержать же надо. Тогда же было районо, содержание и школы надо было, и дрова возить. И преподавателем надо было платить. Я понимаю это так. И буквально в 42 году преподавание на этом закончилось.

Но в других оно продолжалось и в 43?

Да, у других это было, но у нас нет.

Может мало детей?

Может и это причина.

В вашем классе было сколько?

А начальной школе в деревне, там если брать по классам, то по 25 в классе. А потом, когда пошла семилетка, там уже меньше.

А еще свадьбы, похороны?

Свадьбы? Не помню, похороны были. Похоронам никто не препятствовал.

Церковь действовала?

При выезде из районного центра была церковь. Среди праздников Пасха. Были и другие религиозные праздники. Мать ходила посветить выпечку. Булки, выпечку носили. Бабки соберутся и туда.

В деревню заходили партизаны?

Заходили и даже убивали. Одного или нескольких определенных лиц, людей, которых раньше раскулачивали и, соответственно, не выслали. Они оставались работать. И когда пришли немцы, то сообщение какое-то было, наверное. Шпики же были и, наверное, знали, кто и чем дышит. Вот 2 человек убили. Заявили, что они с полицейскими связаны или с немцами. Вот такие тонкости. Так что это было.

Видели их?

Я видел, кого убили. Потому что похороны были. А кто убил? Жена и дети говорят: «Какие-то пришли, постучали». Они ночью сказали: «Те и те». Они открыли и зашли. «Где хозяин?» — «Вышел». Они: «Становись на колени». Он стал. И они как бы для приговора — за что. Он закрылся рукой, а они из пистолета — раз и убили. Такое вот. Это не только в нашей деревне и во многих было.

Паспорта, деньги существовали?

Паспортов не было.

Пленные попадали к вам или нет?

Попадали. Буквально в июле уже, и когда оккупация прошла, то пленные, которые шли, нет, солдаты шли, а немцы их окружили. Пленные заходили в дома. Они недели две там жили. И мы их какое-то время содержали, то один покормит, то второй покормит, а потом через некоторое время они уходили в партизаны.

А партизаны когда появились?

Это уже было в 42-м году.

А известно было о тех, кто ушел в партизаны?

Поначалу не известно было, кто куда ушел. Много из молодежи, но связь была.

В деревне свет, электричество было?

Электричество в 40-м году провели к нам. Лампочки были, радио было. А отопление дровами в печи. Торф, дрова.

Артисты приезжали?

К сожалению, нет.

Часто собирали вас для объявлений?

Нет. Может быть, отец и ходил куда-то на собрание. Даже ходил. Староста собирал, а мы что, пацаны были. Играли в лапту или на санках катались.

Инвалиды в деревне были?

Тогда такого понятия как инвалид не было, только если от Первой мировой войны. Болели.

А больные были?

Больных не было.

Клуб?

Клуб был.

Магазин?

Магазина не было до войны и во время войны не было. Ходили мы в Горки. Это 5 км, а до станции 3 км.

Привлекали ли на работы?

Нет. На станции рабочие были, как до войны, так они и остались работать. Из деревни, насколько я помню, какие-то организационные работы проводились. Необходимо столько-то дней отработать. Просто тебе, тебе. Куда гоняли, я не знаю.

Впечатление у вас, как у подростка — ничего страшного?

Да, если страшно одно, что когда немцы приезжали, по каким-то заданиям, я так думаю, что какие свои связи наших жителей с полицией, какие-то высказывания против немцев. Помню я, как наказывали молодых людей. Которым лет 17. На мотоциклах приезжали немцы или полицейские, палками били.

Как это выглядело. Лежа, стоя?

Нет, палкой резиновой или простой. Пацан стоит, и полицейский через плечо хлещет. За то и то налупит, налупит и побежал. А так, чтобы расстреливали или вешали — в нашей деревне это не было. Но в Горках это было.

А вот женщины, как они? Примеры насилия со стороны солдат, полиции, партизан?

Нет. Партизаны были далеко от нас — 15 км. Полиция и немцы, они приехали, и такого не слышали, чтобы насиловали, или выводили куда-то.

И что же дальше было?

Ну вот 42-й и 1943 год. В 1943 году у меня старший брат, он с 1925 года рождения...

Он жив?

Нет, он погиб на войне. Значит, сообщили, что таких-то мальчуганов, которым столько-то лет, собирают в сельский совет — полицейский участок. Ну и родственники там жили в сельсовете той деревни. Они сообщили — если он пойдет туда, то его заберут. Вот с этого и все началось. Брата звали Степан. Он не пошел туда. Но оттуда приезжают на лошади и телеге. Полицейский спрашивает: «Где Степан?» Родители отвечают: «Он ушел куда-то с молодежью». — «Скажите ему, чтобы он явился в сельсовет». Родители говорят: «Хорошо. Мы скажем». А он ушел в лес, в партизаны. И не только он, но и другие. Человека 4 туда ушли в партизаны, которых хотели захватить и угнать в Германию. Ну и когда такое получилось, что на нашу семью легло пятно, что сын ушел в партизаны.

Это стало известно им?

Конечно. Им стало известно. Пропал. Они сказали — явиться. Мы сказали, что передадим. Да и за нами, возможно, была слежка и даже было преследование. И вот наступила осень. Это 1943 г. Август. Надо приступить к уборке. И тоже нам сообщили, что скоро приедут полицейские. Отец говорит: «Ну что, давай собираться будем, и в лес». И мы в конце августа уехали в лес.

На чем уехали?

На лошади. Телегу запрягли. И вечером, на ночь глядя, чтобы меньше заметно было, уехали. Приехали в лес, а из нашей деревни было семей 10 по точно таким же причинам и основаниям. Но это сентябрь. Уже и холода ночью. Дождик. Ну и мы собрались вместе в глуши леса. Родители смотрели, как накормить лошадь, самим что-нибудь достать. А вот мне, подростку, 13 лет. Холодно. Лапок нарубили и шалаши сделали. Так мы жили до 20 сентября. К нам пришли настоящие партизаны. Собрали взрослых и объявили, что будут нас охранять.

Брат не подходил?

Нет. Мы не знали, где он до конца жизни. Нас обязывают командиры и старшие партизанского отряда — пусть детишки рано утром выйдут с корзинками на поле и собирают картошку недалеко от центральной дороги, которая идет из Горок и на Горки. И пусть они нам, то есть партизанам, говорят, кто движется по этой дороге. Какие силы немецкого войска. Вот мы и ходили рано утром и поздно вечером, наблюдали 2 часа, а потом бежали в лагерь и передавали картошку, и рассказывали об увиденном связникам партизан. Партизаны, видимо, пользуясь этими данными, делали набеги на немецкие колонны. И это длилось где-то до 5 сентября. Нет, даже до конца сентября. Немцам надоело это все, и они решили окружить лес и захватить. Кто им мешает и откуда такие данные? Вот рано утром мы побежали картошку копать. Слышим — стрельба со стороны дороги. Видим через деревья: немцы идут и стреляют по деревьям. Видимо от страха. Народа там-то нет. Мы скорее в лагерь и говорим: «Немцы идут. Мы стрельбу слышали». Не успели мы сообщить, как и наш участок леса стали окружать немцы. И вот тут началось самое страшное. Наши взрослые убежали. А те, кто не смог убежать — их расстреляли, в том числе и моего дедушку. Ему было 78 лет. У

него был выбит глаз, когда он зарабатывал торговлей. Надо было жить, и в Смоленскую область возили хлеб. Напали жулики и вот в драке ему нагайкой выбили. Вот он с бородой, с одним глазом. Я стоял с коровой за пышным кустом. Слышу выстрелы. Вот я корову за повод, высовываюсь и смотрю, что немцы окружили и кричат «Выходите!» И вот дед мой и другой дед. И как сейчас помню немец — кровавая щека. Говорит: «Идите». А он хлоп, хлоп — одного и другого. В другом шалаше были помоложе, лет по 17–18. Вот он снова вывел и, не разбираясь, убил. А вот нас, детей, как я, женщин и старух захватили и погнали. Погнали нас — а день выдался жаркий — погнали до... в сторону Витебска, в направлении Борисова. Не могу вспомнить. Погнали нас до Борисова... трое суток.

Как передвигались, охрана, туалет?

Полицейские и немцы шли по обочине дороги. Колонна захваченных движется, и они идут через некоторое расстояние. Проходим 4–5 км — привал. Женщины и старики не могут идти. Отдохнули и дальше. Вспомнил, это населенный пункт Толочин. Туалеты на обочине у дороги.

Позволяли это делать когда привал? Там могли убить?

Но во время привала разрешали. В одном населенном пункте заходили во дворы, переночевали и пригнали в Борисов. В Борисове прожили три дня, а потом пригнали вагоны.

Три дня в каких условиях?

Трое суток под открытым небом. Никакого питания. Кто с собой что нес, то тем и питался. Не помню, где брали воду. Да, вода поблизости где-то была. Брали и пили воду. А потом подогнали вагон и погрузили нас всех в один, два, двухъярусные спальни. Двери закрыли — не выйдешь, и повезли. Но куда — не знаем. Вот когда привезли в Германию, то, конечно, делали остановки. Многие умерли прямо в вагонах.

Вы были свидетелями смерти?

Везли в Германию целую неделю, но остановки были. И там открывают вагон, и спрашивают, и смотрят полицейские и немецкий представитель с собаками — живые перед ними или мертвые. Если мертвые — стаскивали. Вот из соседнего вагона вытащили и прямо на обочину, где выступ. Шлаком присыпали и все.

Вот привезли в город Зомерке в Тюрингии. Это где-то 60 км от Эрфурта. Значит, рано утром на станции выгрузили из вагонов и погнали в лагерь. Но городок был небольшой. Помню двух- трехэтажные дома и завод. Бросили к окнам и смотрят, и слышим: «Русиш швайне». Колонны целые. Эшелон большой. Вот собрали, погнали. Видим — колючая проволока. Столбы, колючая проволока, вышки, полицейские стоят. Немцы и нас в бараки. Это уже октябрь. Холод. В принципе, в Германии теплее, но все равно холодно. На двухъярусные кровати загнали и разрешили топить печки. Мы не стриженные. Как ляжешь, а матрацы из деревянных стружек. Через щели барака ветер продувает и утром, когда подыматься надо, волосы примерзают к стружке.

Через пару дней нас отправили работать. Ну что, пацаны, по 13 лет. Какие они работники. Подметать, ящики убирать от снарядов или еще. Вот такая работа. Питание такое. Утром поднимают в 6 часов — до столовой добежать, получить паечку хлеба. Он серый, эрзац с мякиной. Хочешь — съешь сразу, а хочешь — оставишь. Вот его засунешь в фуфайку и пошел. Баланда, как правило, из брюквы. Не знаю, почему они нам давали так. Вот еще каплю маргарина. Ни мяса, ничего. Чай — какая-то трава-заварка. Вот удивляюсь, освободили нас в мае и надо было выжить столько времени. И вспоминаешь, что у нас черный хлеб. Белого тоже у нас не было. Так порезал бы на кусочки, и с шоколадом или сальцем. Так хотелось есть с утра и до самого вечера. Так скучали.

Нас было 6 человек местных. Вот мы подметали. Ящики, которые освобождались, подносили. Обеденный перерыв, немцы едят обед, а нам нечего. Нам ничего не давали. Особенно осенью или зимой, там буржуйки были такие. Так мы умудрялись — хлеба крошки оставляли, Сделали типа мышеловки — и воробьи прилетали, на крошки и попадались. Так быстренько мы их на проволоку и на огонь, в буржуйку. Они подгорали, вот вам мясо. Но не всегда. Да.

Но кто руководил вами? Распорядок дня?

В 6 часов утра начинали. Нас собирали таких подростков 50 под сопровождением 4–6 полицейских с собаками. Строили в колонну и гнали на завод. Там ворота. На завод приводят, а там выходят мастера и забирают. И до вечера. Рабочий день продолжался до 6. Так с 8 до 6. Опять нас выводили. Снова полицейские приходили, и нас колонной в лагерь. Приходишь и бежишь в столовую. Нам выдали алюминиевые тарелки так называемые и ложки. Бежишь. Черпак раз этой бурды. Хлеб остался — так с ним. Нет, значит без него. И вся еда. Да, чай — кипяток, заваренный травой. Как сено, порубленный такой. Так и были там до мая.

В мае нас освободили американцы. Затем приехали представители советской армии, переписали всех. Там и украинцы, и французы, и белорусы были. Такой сборный лагерь. Мы жили в разных бараках. Переписали, спросили: «Вы куда поедете?» Куда? Но мы знаем, куда ехать. Домой. Вот Горецкий район Могилевской области. Записали. Все, через пару дней рассортировали, подогнали вагон и погрузили, и на восток.

Были ли свидетелем, что в Германии кого-то убили или кто-то умер?

Я видел, как в лагере умирали дети по 4–5 лет. Они как захватили семьями с детьми. Вот они пожилы, детишки эти, наверное, неделю, не больше, ведь какое им питание было. И умерли.

Сколько таких детей?

Вот в нашем бараке, типа барака щитового, посреди буржуйка стояла, мы в холодное время топили по очереди. У нас были кровати двухъярусные. Койки с одной стороны и койки двухъярусные с другой. Барак — это человек 40. Вот на это количество: 2 детей и еще один ребенок умер. Трое. Вот и все. Остальные как? Да я не сказал, что когда освободили, то мы разбежались кто куда. Но куда же побежишь? Надо ночевать, поесть. Вот побегаешь — и

назад в лагерь. Вот мы тогда заметили, что помещение есть и труба большая. Это был крематорий. У нас умирали в бараках, то увозили мертвецов на телеге. Это как у нас землю возят. И когда мы видели — лошадь поехала, то значит их возили в крематорий. Вот когда освободили, то мы заметили: канал какой-то шел и течение есть, но если попробуешь щепку или другое что-нибудь, то она не тонет. Оказалось, что течет жир, потому что при сжигании не все сгорало. Вот когда начали немцы платить марки и надо было доказать, где был в лагере. У нас какой-то был лагерь был секретный. Начали искать в Фонде примирения, чтобы добиться, был в Германии или не был. А где был? Говорю: «Нас же переписывали представители советской власти». — «У нас нет». Оказывается, что было негласное указание, когда выделяли первый раз помощь, чтобы меньше выдать, то представители решили минимум раздать, а максимум оставить в городе здесь. Что характерно. Запрашиваем. «Нет». Как же нет, если работник фонда говорит: «Он же был и рассказывает где и как». — «У нас не значится». Я говорю: «Но как вы представляете. У вас должен был справочник, где кто сидел». Но так он по секрету: «Смотри». Пришлось попросить, чтобы показали список. Смотрю и мой лагерь есть: город Замерта — концлагерь. А он: «И сноски какая-то, какой-то секретный и испытания какие-то делали». Вот так я смог добиться, и тогда работник фонда позвонил в Могилевское КГБ и архив: «Ну что вы гоняете, он же подтверждает. Почему вы не даете?» А там: «У нас не значится». Вот уже потом написали все. Ну, что же жаловаться на них. Вот так.

Как домой попали?

Вот когда погрузили, через пару недель из Германии прямым ходом. Ну, как прямым ходом. В Белостоке останавливались и Бресте. А потом на территории проверяли. Но привезли всех.

Дома же деда нет?

Враги сожгли родную хату. Приехали. Ни двора, ни кола. Деревня где-то наших 6 домов, которые в стороне. И шла дорога на сельсовет. Как рассказывают очевидцы, то дома наши разобрали немцы на дорогу, чтобы проходить можно было. А так это было или не так? Короче, приехали, а наших домов нет. Только труба от пожарищ. Вот так начинали жить.

Где была мама?

Мама была вместе со мной.

Почему не рассказывали о ней?

Но нас гнали, значит с матерью. Мы работали. Она уборку в лагере делала. Там же тоже должен порядок. Подметала. У них все продуманно. Чтобы опустошить душу человека, чтобы не могло его обрадовать — ни одной травинки не должно быть и все должно очищаться от травинки, от деревца. Ничего. Вот она так и работала. Вот приехали, ни кола ни двора. Куда? Она была из деревни Ляда. Там где не бойкое место, и немцы не приходили. И деревня, и дома там остались. Мы там остались перезимовать, а потом на старом месте выкопали погреб, поначалу в погребе до осени там мы жили. Мы сделали землянку. Это хата с глины и соломы, но наверху

сделали себе комнату, чтобы перезимовать. Глина, солома. Тепло. Печку топишь, то тепло. Вот такова жизнь.

О брате ничего не сказали?

Когда спрашивали: «Вы куда хотите: в Советский Союз, на Украину, или в Белоруссию, или остаться в Германии?» — некоторые остались. Могли остаться в Германии, в Америку записаться. Мы же назад. Где же брат? Вот приехали, а в декабре приходит извещение, что умер при излечении в госпитале, номер такой-то, от ранения.

Он был в армии?

Да. Он был первоначально в партизанах. Потом, когда подошли наши войска, то его забрали.

Где погиб, известно?

Но на лечении он был в Горьковской области. Ранили в Прибалтике.

А отец?

А отец также как и мы, через некоторое время — мы уже с матерью вдвоем до Борисова добрались, а он только пару недель. И он перед самым отъездом появился, как снег на голову. Оказывается, вторым эшелонем, таким же как и мы, гнали. И вот его пригнали, и он с другими, такими же.

Где он был?

Тоже в лесу. Он был глубже, и его забрали. Когда нас первыми захватили, партизаны отошли. Силы-то были неравны и мужики, которые могли соображать и бегать, тоже пошли в партизаны. И вот немцы второй раз глубже захватили. Кого побили, а он, к счастью, остался живой. И вторую партию пригнали в Борисов, чтобы эшелон загрузить. Вот он успел в эшелон, и он был в нашем лагере. И мы потом соединились в одном бараке.

Данные родителей?

Отец 1899 г. рождения. Влас Захарович из д. Нивищи. Мама — Барковская Прасковья Спиридоновна, 1896 год рождения. Она приехала к ее родственникам, д. Азаровичи Горецкого района

Когда приехали на территорию Союза, конкретно на территорию Беларуси, начали просеивать. Где были, кто может подтвердить? Несколько заслонов проходили. Но убедились, что были и списки наших представителей, и компрометирующих материалов не было. Все хорошо. Идите работать на старом месте.

В семье разговаривали о прошлом?

Конечно. Кто знал нашу д. Нивищи, откуда нас вывезли. Там полдеревни было вывезено в 1943 году. Остальные, кто и где. Кто в партизанах, кого не успели поймать, кто остался. Поэтому, делиться как? Все знали, что были вывезены в Германию, что многие были там. Те, кто остался, знали, что мы были вывезены и им, по приезду, мы рассказывали. Вот молодежь просеивали страшно. Может благодаря тому, что любил труд, не хулиганил, был законопослушный парень, так смог как-то пробиться. Закончил институт один, а еще госуниверситет.

До этого, когда приехали, продолжал учебу, пошел в 7 класс. Закончил на отлично. Директор школы говорит: «Молодец», — а жить не за что.

Прихожу домой — от картошки очистки приходилось использовать. Ничего не было. Вот землянка. Отец ходил на станцию и ему что-то за работу заплатят, где муки дадут пару килограмм. Закончил 7 классов с похвальной грамотой. Он спрашивает — пойдешь со мной или сам. Я сказал, что сам. Узнал, что в Риге принимают в училище, где полное питание, обмундирование и дисциплина. Так как это было в сентябре, то прием окончен. С аттестатом приезжаю. А там: «Все, прием закончен». Но посмотрели аттестат... Приняли. Началась учеба и трудовой путь. Получил звание лейтенанта по окончании учебы. Направили на работу в Камское речное производство. Потом Пермский государственный университет по специальности «История». Когда предложили переехать на работу в Москву, думал, что там будут просеивать, что да как. И отказался. В Минск переехал в 70-м году.

Вот еще. Ни еды, ни поспать, ни отдохнуть. Опять же в бараки загнали и питания никакого.

Когда приехали, какое положение с питанием и проживание?

Когда приехали в июне 1945 г., то уже посев произведен. Остановиться негде совершенно. Ни кола ни двора. Вынуждены поехать к брату матери. Их деревня сохранилась. И там, что дадут, то и покушаешь. Содержать надо трех человек. Это было сложно. Почему я снова вспомнил, потому что эти ребята умирали от голода. Дети есть дети.

От бомбежки погибали?

В равной степени погибали как немцы так и мы. Специально, чтобы в лагере расстреливали — нет. Били полицейские палками, но не расстреливали. У нас был выходной в воскресенье. Мы-то в выходной выходили из барака, игрались на песке. Тогда полицейские предупреждали о нарушении и наказывали. Этот как воспитание какое-то. То, что с голоду умирали, это да. В этот день видел, как вывозили умерших. Лошадь подъезжает к баракам. Их закрывали брезентом. Их, наверное, было 2–3 человека. Когда они останавливались у следующего барака, где надо было выносить, открывали брезент повозки, а потом закрывали. Барак от барака был на расстоянии метров 30. Это было утром.

Но вы же на работе были?

Но я видел это. В воскресенье мы не работали. Лежали. Или выйдешь на территорию барака, или поиграешь. И тогда полицейский палкой даст.

Все полицейские были жестокими?

Может быть, да. Он поставлен на конкретное дело. У нас было два директора. Один главный шеф, а второй его заместитель. Вот главный был нацист, он зверь, а его заместитель — такой добряк. И когда нас погрузили в вагоны, чтобы вывезти, то он приходил прощаться. Его просто любили. Вот вам и немец. В столовой кто-то попросит черпак зачерпнуть. Тот, который главный был, накажет за это дело. А этот проходил. Немцы тоже по разному относились к своим обязанностям. Вот на работе, когда немцам приносили обеды жены. Немцы были пожилыми, так как вся молодежь, те, которые могли воевать, были на фронте. Им-то было 60. Они пожилые люди и им

приносят обед. Так бригадир, как сейчас помню, Оцарим, никогда, даже когда жена приносит, она даст нам пацанам кусочек. И как он увидел, то при нас отругал. Другие давали, только чтоб не увидел мастер. Так что есть и те, которые понимают жизнь, и есть те, которые как звери. Это как в кино.

Минск, 2009

Интервьюирование и транскрибирование выполнено Кузьмой Козаком